

Набоков Владимир
(фр.-музей)

Бабочки настоящие, портреты — неизвестно

Открыт музей в доме Набокова в Петербурге

На Большой Морской, 47, в доме, где жил до 18 лет Владимир Набоков, еще совсем недавно обретался Комитет по печати. Это была совсем неслучайная советская мысль — заметить Набокова Комитетом: тут можно даже узреть продолжение словесного ряда, вспомнив, что в этом особняке находилась так называемая «комитетная». В ней собирались на заседания кадеты, одним из лидеров которых был отец писателя. Но вот в апреле этого года, когда отмечается 99-летие Владимира Набокова, круг замкнулся — первый этаж дома занял музей его имени.

Вообще-то семье Набоковых принадлежал весь трехэтажный особняк. Но три этажа в аренду музею пока не дают, хотя музей надеется отвоевывать территорию пядь за пядью — тем более что учреждение он негосударственное, есть из бюджета не просит, а ищет средства в различных благотворительных фондах, благо американцам приятно увидеть в Петербурге музей своего национального классика Набокова. Да и на исторической родине писателя его поклонников можно найти в самых неожиданных местах: одним из спонсоров музея, например, стал Кировский завод.

Еще 5 лет назад, когда ни о каком музее и речи не было, начали проводиться набоковские чтения. Знаменитая англомагия семьи Набоковых каким-то мистическим образом проявилась в фамилии человека, который эти чтения организовал и на сегодняшний день стал директором музея. Вадим Петрович Старк, филолог, сотрудник Пушкинского Дома, исследователь Пушкина и Набокова и к тому же литературный агент Дмитрия Набокова, сына писателя.

Открытие набоковского дома привлекло массу народа. Прибыли литературоведы не только из Москвы и Петербурга, но и из Хельсинки, Калининграда, Ростова-на-Дону, Твери, Нижнего Новгорода, Саратова, Винницы, Краснодар. К 99-летию уже выпущен «Набоковский вестник», в котором рассматривается широкий круг вопросов — от «пушкинского фона» до постмодернистских тенденций в творчестве писателя. «Набоковский вестник» должен занять в России место, которое в Америке уже давно принадлежит журналу «Nabokoviana».

Набокова считают своим граждане разных стран, и это прекрасно проиллюстрировали выступления приглашенных на открытие гостей. После речи председателя отделения фонда Сороса в Петербурге, исполненной надежд на то, что с помощью фонда музей не пропадет, в толпе раздалась возгласы: мсье Бежар, мсье Бежар! И тут действительно появился элегантный Морис Бежар. Поулыбавшись разомлевшей публике, норвившей потрогать его за рукав, балетмейстер сообщил, что если бог даст, то он

поставит балет по Набокову и о Набокове, правда, после того как закончит осмысление творчества Андре Мальро. И тут очень кстати, прямо как роля в кустах, обнаружилось, что Общество друзей Андре Мальро находится прямо под боком, занимая маленькую комнатку в музее. В заключение праздничного действия вдруг выскочил председатель дотоле неизвестного присутствующим Центра швейцарской культуры и предъявил свои права на великого писателя, заявив что Швейцария тоже готовится к торжествам по поводу грядущего столетия Набокова. Зарубежные мотивы на этом не закончились — в маленьком зале (как раз в вышеупомянутой «комитетной», где некогда произносились гневные политические речи) еще долго звучала музыка, исполняемая на японском инструменте котэ.

Внутреннее пространство дома не раз перепланировали. Когда здесь жил Володя Набоков, маленьких комнаток не было, разве что телефонная. Дом начинался с широкой внутренней лестницы, у подножия которой стоял важный швейцар Устин. Дальше — телефонная, библиотека, гостиная, столовая, кухня, кабинет матери, отца, спальни... Везде, даже в ванной, которая больше походила на бассейн, висели картины и фотографии.

И сейчас в экспозиции музея пока больше всего фотографий — есть подлинники, но в основном пересъемка. Все время ловишь себя на мысли — фотографии это живых людей или персонажей? Мальчик в матроске, Валентина — прототип Машеньки, которой Набоков три месяца писал стихи; Ева — романтическая любовь Набокова; «мадмуазель», о которой он писал: «показалась она мне огромной, и на самом деле она была очень толста»; виды тех мест, где происходило действие «Лолиты». А вот и цветная картинка на фоне ретро-фотографий — рекламная афиша «Лолиты» Эдриана Лайна.

К счастью, многое из отделки комнат сохранилось: деревянная обшивка потолка и стен, кое-где роспись. Но стенды с аккуратно выведенными рамочками и заголовками «Россия», «Америка», «Швейцария», «Лолита» и застекленные витрины выглядят как-то бедно. Но такая экспозиция — свидетельство юного возраста музея, а не принципиальное дизайнерское решение.

Сюда должны вернуться многие вещи дома Набоковых, которые в свое время разошлись по разным музеям. Кое-что чудом уцелело. Например, вещи из имения в Рождествене. Набоков, пожалуй, как никто другой чувствовал поэзию вещей: «...на тяжелом сдержанно блестящем письменном столе стройно и неподвижно в космическом порядке стояли, как кометы, знакомые вещи — фотографии, мраморное яйцо, торжественная чернильница». Это о Большой Морской.

Из того, что сам писатель держал в руках, сегодня в музее можно увидеть отрывки карандашей с какими-то странными набалдашниками, пенсне и подаренную Гарвардским университетом коллекцию бабочек. Можно долго рассматривать прозрачные крылья и раскиданные на них, казалось бы, по какой-то случайности пестрые пятнышки. Но везде наклеены крохотные этикетки, написанные рукой энтомолога и писателя — Владимира Набокова.

АННА СОЛОВЕЙ, Санкт-Петербург